

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- *Этногенез белорусов и белорусская идеология: социологический взгляд*
- *Классическая методология анализа феномена экономического поведения*
- *Эвристические методы социологического изучения инновационной практики*

УДК 314: 316.4

Этногенез белорусов и белорусская идеология: социологический взгляд

В. Павлючук, профессор, доктор социологических наук, директор Института социологии Историческо-социологического факультета университета в Белостоке (Польша)

В статье анализируются различные подходы к истокам белорусской идеологии, рассматривается соотношение этнического и идеологического в контексте современной Беларуси и ее истории.

Ethnogeny of Belarusians and Belarusian Ideology: Sociological View

W. Pawluczuk, PhD in Sociology, Professor, the director of the Institute of Sociology of the History and Sociology Faculty at Belostok University (Poland)

The article analyses different approaches to the origin of Belarusian ideology. The correlation of the ethnic and the ideological within the context of modern Belarus and its history is discussed.

1

Беларусь, как и Украина, находится на территории, понимаемой в широком смысле как рубеж латинской и византийской цивилизаций. Данное обстоятельство не могло не оказать влияния на формирование народного самосознания населения, как в истории, так и сегодня. Однако если данные процессы на Украине получили основательное рассмотрение у многих исследователей, то Беларусь пока остается в тени. В современных дискуссиях в Беларуси важное место занимает так называемая «историческая политика», т. е. сознательное, целенаправленное, идеологическое создание собственной истории. Центральным вопросом данной статьи в свете исторической политики является вопрос этногенеза белорусского народа.

В Беларуси распространена идея кривичско-дреговичско-радимичского происхождения белорусов. Кривичи, дреговичи и радимичи – это славянские племена, заселившие территорию Беларуси перед образованием Киевской Руси. Кривичам часто приписывают главную роль в формировании белорусского этноса. Миф о кривичском происхождении белорусов имел место не только в литературе, но и в обыденном сознании народа. Во время всеобщей переписи населения 1859 г. 23 тыс. жителей бывшей Виленской губернии называли себя кривичами, а 150 тыс. – белорусами. Кривичами называл белорусов Ян Чечет, а белорусский язык – «языком кривичским».

Отметим, что, опираясь на современное историческое знание, невозможно ни доказать, ни опро-

вергнуть утверждения о тех или иных племенных истоках современных народов, включая белорусов. Многие исследователи указывают на значение первоначального племенного субстрата, который существовал на восточнославянских землях до появления там славян в VI в. и, возможно, постепенно был впитан славянским элементом. В случае с белорусами этим субстратом стали первоначально заселявшие территорию современной Беларуси племена балтов, в случае с Россией – племена угрофиннов [1, с. 45]. Менее вероятно, хотя тоже возможно, было иранское влияние на этнос Украины. Территорию современной Украины в первые века нашей эры частично заселяли скифы, относящиеся к группе индоиранских народов. Поэтому можно предполагать, что первоначальный, дославянский, субстрат, а не характер славянских племен мог повлиять на последующее разделение белорусов, русских и украинцев. Однако данный тезис тоже не имеет достаточно убедительных аргументов.

Поиск племенных оснований в пользу белорусской идеи осложняется также тем, что два славянских племени, радимичи и вятичи, заселявшие в том числе и часть современной Беларуси, в исторических источниках определяются как «польские». Хроника Нестора говорит о них как о ляхах. «Радимичи же и вятичи – от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой Вятко; и пришли и сели; Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим на Оке, от него получили своё название вятичи» [2, с. 217]. В другом же месте (под датой 984 г.) Нестор констатирует:

«В год 6492 пошел Владимир на радимичей... Были же радимичи от рода ляхов; пришли сюда, поселились и платят дань Руси по сей день...» [2, с. 271].

По проблеме происхождения и этнической принадлежности радимичей и вятичей высказывались многие исследователи, приводя множество существенных аргументов как «за», так и «против» подлинности упоминания Нестора [2, с. 89–92]. Основным аргументом «за» являются топонимические данные: многие названия местности над Окой и Сожем имеют свои аналоги на польской территории. Однако окончательно проблема происхождения радимичей и вятичей в науке остается нерешенной. Современные историки утверждают, что этносы, называемые в древних хрониках племенами, не были таковыми в нашем сегодняшнем понимании. Это были союзы племен, представлявшие собой вид политической организации, начало организации государственной. Археологи установили существование у отдельных племен нескольких разных способов захоронения усопших, что свидетельствует о внутренней культурной неоднородности этих этносов [1, с. 42].

Другой проблемой, ставшей предметом живых дискуссий белорусской историографии, является характер средневековых княжеств на белорусских землях. Самым сильным, имеющим все атрибуты государственности, в X–XIII вв. было Полоцкое княжество. Первые упоминания о нем относятся к 862 г., а значимых политических и военных успехов оно достигает в XI в. Княжество неоднократно соперничало с Киевским, как в политическом, так и в военном смысле.

Необходимо отметить, что Полоцкое княжество, как и многие другие княжества такого типа, возникло в связи с распадом Киевской Руси. Киевская Русь как внутренне сплоченное, хорошо организованное большое государство просуществовало сравнительно недолго: от завоевания новгородским князем Олегом Киева в 882 г. и тем самым объединения «русских земель» от Ладоги и Финского залива до Киева, до смерти Ярослава Мудрого в 1054 г., приведшей к разделу государства между его пятью сыновьями. Известный украинский историк М. Грушевский считал, что Киевская Русь достигла своей вершины во время правления князя Владимира (980–1015) [3, с. 1–2]. Распад Киевской Руси, по мысли Грушевского, был медленным, но постоянным, с попытками вернуть первоначальное единство и восстановить центральную власть. Длилось это около 200 лет, и закончилось набегами монголов в 1240 г. [3, с. 34–49]. Грушевский считал, что поводом для распада послужило разрастание династии. Но не это было самым важным. Более существенным было постепенное формирование своеобразия, чувства внешней обособленности и локальной солидарности отдельных «земель». Это

был своеобразный «локальный патриотизм». Его можно считать и началом народной общности, хотя сразу оговоримся, что он имеет мало общего с национальным сознанием современной Европы.

Этот вывод касается не только Киевской Руси, но и всей Европы того времени. Везде можно было обнаружить доминирование династических объединений над этническими связями и тенденции раздела государства в соответствии с родовыми традициями: умирающий правитель делил государство, как делил свое имущество умирающий отец между своими сыновьями.

Фактом, на который главным образом ссылаются независимые исследователи, является то, что на территории бывшей Киевской Руси, или шире – восточного славянства, в Средневековье сформировалось особое осознание общности «русских земель» и «русского народа». Интересно, что эта идея усиливается после распада Киевской Руси, в XII–XIV вв., и существует вплоть до XVII в., о чем свидетельствуют многочисленные документы, прежде всего хроникальные. Все это подтверждает жизненность данной идеи. Генрих Пашкевич пишет: «Существенно важно, что широкое территориальное понятие Руси является доказательством существования одного большого русского народа, а это понятие постоянно употребляется в текстах XIV–XVI вв., поэтому стоит согласиться, что три русских народа не могли образоваться до XVIII в., тем более что в упомянутых текстах не встречается этнических терминов, разделяющих три русских народа» [4, с. 227]. А. Уилсон также утверждает, что до принятия Люблинской унии в культуре и поведении русского населения невозможно было выделить различия между этносом северным (белорусским) и южным (украинским). Эти различия возникают лишь после унии, когда целостная территория была разделена на принадлежащие Польше (южную) и Литве (северную) части [5].

Осознание своей «русскости» как общей категории для возрождающихся народов – русского, украинского и белорусского – появляется вновь в XIX в., одновременно с процессом национального возрождения украинцев и белорусов, а в определенном смысле существует до сих пор.

Необходимо прояснить: здесь мы не стараемся выявить так называемую «объективную истину» о генезисе белорусского народа и его истории. Данная статья написана не историком, а социологом идей. Меня интересует, как исторический материал в Беларуси используют в формировании идеологии, каким образом исторические факты служат для создания различных версий «белорусской идеи». Национальная история, какими бы благими намерениями ни руководствовались историки, всегда является разновидностью мифа: она пишется современниками и для современников. Поэтому она более значима

для молодых народов, ищущих свою идентичность и обосновывающих ее событиями прошлого. Проблема Беларуси состоит в том, что вся ее история вплоть до настоящих времен локализуется на стыке латинской и византийской цивилизаций.

История всегда является существенной составляющей идеологии и служит достижению двух целей последней. Во-первых, она обосновывает мифологическое начало и всю предыдущую историю. Древние хроники начинались от Адама и Евы, или, по крайней мере, от всемирного Потопа, как, например, хроника Нестора. Во-вторых, история должна легитимировать современность, т. е. должна показывать, что наши сегодняшние идеи и действия являются нашей подлинной историей, реализацией ее истинного «назначения».

2

Первая история Беларуси, написанная белорусом, Вацлавом Ластовским, имеет название *«Кароткая гісторыя Беларусі»*. Она была опубликована в Вильно в 1910 г. Многочисленные последующие работы использовали эту книгу в качестве своеобразного образца презентации белорусской исторической идеи. История Беларуси у В. Ластовского начинается с Полоцкого княжества, которое автор трактует как независимое белорусское государство. Великое княжество Литовское (ВКЛ) он называет литовско-русским государством. Время правления великого князя Витовта (1387–1430) автор считает периодом исключительно благоприятного сотрудничества литовцев и белорусов в этом государстве. Однако В. Ластовский негативно оценивает Городельскую унию 1413 г. из-за принятого на ней решения о том, что высокие государственные должности в литовском государстве не могут занимать православными и должны были быть предназначены исключительно для католиков. В. Ластовский пишет: «Тщеславные люди, разум которых затмили титулы и гербы, переходили на сторону поляков часто лишь ради собственного тщеславия, но были и такие, которые переходили из-за выгод, которые давала им Городельская привилегия. Именно тогда народ и разделился на католиков и православных. Первые являлись поборниками Польши и всего польского, вторые стали на позицию интересов страны, позицию народа. Появились религиозные конфликты, которых прежде не было на Беларуси» [6, с. 31].

После смерти Витовта (1430 г.) политические события Великого княжества Литовского, по мнению В. Ластовского, характеризуются борьбой двух групп: католической и православной. Православную сторону он называет иногда «белорусской». Из текста видно, что эти понятия автор трактует как тождественные. Несмотря на неблагоприятные для православных решения Городельской унии, на практике отношение к ним правителей ВКЛ оставалось толерантным, поэтому, несмотря на

трения и даже внутреннюю борьбу, православные по-прежнему участвовали в управлении этой большой страной. Однако в период правления Казимира Ягеллончика (1440–1492) усиливается давление на ВКЛ в пользу более близкого союза с Польшей. Это давление не было поддержано; в противном случае, по мнению В. Ластовского, оно грозило бы «уничтожением национального сознания белорусов, потому что шляхта охотно принимала наружный блеск польской культуры и польские традиции» [6, с. 33].

Настоящая полонизация Беларуси, начавшаяся после Люблинской унии 1569 г., была обусловлена распространением католицизма. Способствовала этому и Брестская религиозная уния (1596 г.), которую В. Ластовский резко критикует. В. Ластовский считает, что Брестская уния была воспринята Римом как путь к окончательному распространению католицизма на Беларуси. Так, по его мнению, было в действительности. Массовый переход благородного сословия в католичество, которому поспособствовала Люблинская, и особенно Брестская, унии, означал, что Беларусь лишалась своей национальной аристократической элиты. В. Ластовский пишет: «Шляхта постепенно отрывается от отечественного, белорусского, она забывает о национальных интересах, место которых занимают интересы шляхетства. Белорусская шляхта, таким образом, сливается с польской, разрывая связь с отчизной, которая стала чужой в родной стране, умерла для национального дела» [6, с. 64].

По мнению В. Ластовского, после предательства шляхтой белорусских интересов в обмен на титулы, защитниками национальных интересов в Беларуси стали белорусские церковные братства. В XVII в. почти вся белорусская шляхта перешла в католицизм, «и совершенно оторвалась от своего народа, заглушив в себе польскостью белорусское национальное чувство. Католицизм стал уже польской, «панской», верой, а православие и униатство верой невежд, «хамской верой» [6, с. 83]. Особенно мрачно в интерпретации В. Ластовского выглядит XVIII в.: он предоставляет целый список юридических актов и событий, которые были направлены против православия и белорусской культуры. В 1697 г. запрещается использование в служебных актах белорусского языка, обязательным становится польский язык; православным запрещается занимать государственные должности; запрещается публично совершать православные религиозные обряды, например религиозные процессии. Подводя итог всему сказанному, В. Ластовский утверждает: «Если мы присмотримся ко всему этому, то поймем, почему белорусское православное духовенство искало покровительства у московских царей. Польша была для них мачехой, к тому же мачехой злой» [6, с. 86].

Переходя к периоду истории после разделов Речи Посполитой, В. Ластовский пишет об интересном парадоксе: русские власти, пытаясь очистить территорию Беларуси от всего, что являлось польским, уничтожали одновременно и все, что являлось белорусским. Особенно тяжелым стал запрет (после восстания 1830–31 гг.) издавать книги на белорусском языке. Мучительной для значительной части белорусов стала также и окончательная ликвидация (1839 г.) религиозной унии. «Униатская церковь, – пишет Ластовский, – существовала на Беларуси 243 года. За это время она прошла ряд изменений, чтобы в конце концов стать настоящей народной верой. Народ с нею сжился и идентифицировался, следовательно, отмена ее не везде принималась с энтузиазмом» [6, с. 97]. Ликвидация польскости на территории Беларуси, по мнению автора, не способствовала консолидации чувства белорусского единства, так как его тогда ещё не было [6, с. 93]. Описывая белорусскую литературу XIX в., В. Ластовский особо выделяет Александра Рыпинского. Среди других авторов этого периода он упоминает о Вяриге Даревском, Яне Борщевском, Владиславе Сырокомле, Винценте Коротыньском, Винценте Дунине-Мартинкевиче. Он отмечает, что их взгляды были «полностью польскими», но тем не менее они стали первыми, кто в своих произведениях использовал современный для того времени живой белорусский язык. Они внесли свой вклад в развитие всего белорусского, хотя были отделены от народа, и, за исключением Дунина-Мартинкевича, остались, по мнению В. Ластовского, полностью неизвестными.

3

Я сконцентрировался, главным образом, на книге В. Ластовского, которую в современных категориях можно определить скорее как эссе, нежели научное исследование. Однако ее ценность состоит в том, что она является первой книгой национально-ориентированного белорусского политика, историка и публициста. Даже краткий обзор главных идей книги В. Ластовского показывает, что он отдавал себе отчет в том, что сложность истории белорусского народа с самого ее начала связана со столкновением польских и русских интересов, что в более широком контексте можно рассматривать как столкновение латинской и византийской цивилизаций. С данной точки зрения польский выбор, равно как и русский, является для Беларуси разрушительным. Однако В. Ластовский делает акцент на катастрофических последствиях для Беларуси польского выбора: уничтожение белорусской аристократии и национальных элит, ограничение в сфере языка, культуры и православной религии. О последствиях русского выбора он говорит скорее с упреком и скорбью: в действительности он не нарушил правления «польских панов» на Беларуси,

зато достаточно эффективно русифицировал белорусский народ.

Подобной дилеммы не наблюдается сегодня в оценках белорусских историков, пишущих с национально-ориентированных позиций. Назовем, например, работы, которые были реализованы в рамках международного проекта, имевшего целью по-новому написать историю Центральной и Восточной Европы; они изданы на польском языке Институтом Центральной и Восточной Европы в Люблине [7, 8]. Автор одной из работ Г. Саганович в предисловии к своей книге ссылается на труд В. Ластовского как на источник, который положил начало белорусской историографии. Книга В. Ластовского являлась, по его мнению, работой, которая пытается восстановить запутанные события истории белорусского народа, – и только.

Книга самого Г. Сагановича, однако, полемична. В самом начале своих размышлений автор пишет: «Общепринятая в советской историографии теория о существовании древнерусской народности, согласно которой Киевскую Русь создал единый восточнославянский народ, разделенный позже политическими границами на белорусов, украинцев и великороссов (россиян), отвечает не столько научным требованиям, сколько идеологической конъюнктуре своего времени» [7, с. 39]. Он особо подчеркивает, что Великое княжество Литовское не может считаться результатом завоевания Руси литвинами. Оно было литовско-белорусским государством, возникшим в результате ряда мирных соглашений. Литовцы создали его, однако, на «территориальной, этнографической и культурной белорусской основе» [7, с. 91].

Известно, что гармоничное сосуществование литовцев и белорусов в ВКЛ подверглось тяжелым испытаниям после заключения в 1385 г. Кревской унии и признания Ягайлы королем Польским и великим князем Литовским. В соответствии с заключенным в Креве соглашением, Ягайло должен был принять католичество и ввести католическую религию на всем пространстве ВКЛ. Решение о католизации ВКЛ вызвало сопротивление православных князей и бояр. На пути к полной инкорпорации Литвы и Польши стали политические амбиции князя Витовта и стоящих за ним магнатов, благодаря чему некоторое время удавалось сохранять государственную независимость Литвы. Князья и бояре православной веры сохраняли в этом государстве свое значение и влияние. В 1413 г. уния в Городле несколько видоизменила отношения Польши и ВКЛ. Среди решений Городельской унии одно является для нас особенно интересным. Статья 9 унии гласит, что во вновь созданные ведомства и в государственный совет будут допускаться «исключительно приверженцы католической веры и подданные Святого Римского костела».

В работе автор с большим уважением высказывается о Люблинской (1569 г.) и Брестской униях (1596 г.), что кардинально отличается от позиции В. Ластовского. О Люблинской унии Г. Саганович пишет: «Действительно, данная добровольно подписанная уния стала большим историческим событием. Общее государство, созданное в Люблине представителями белорусского, литовского, польского и украинского народов, – главным образом, благодаря усилиям борющейся за демократию шляхты, – просуществовало четыре столетия и не имело себе равных в европейской истории!» [7, с. 208]. Уверен, что с тезисом, будто бы Люблинская уния являлась «победой белорусов в их борьбе за независимость и демократию», не согласятся не только русские, но также поляки и литовцы.

Неожиданным является одобрение Брестской унии и негативная оценка им церковных братств, являвшихся народным движением обновления церковной жизни и сопротивления латинизации в ВКЛ. автор утверждает: «Давайте зафиксируем, однако, что сам акт объединения церквей не был результатом насилия в отношении православных, или иезуитской диверсией, как об этом широко писала русская или советская историческая литература. На Соборе в Бресте никто не испытал никакого внешнего давления» [7, с. 242].

Мы не можем в этом месте не отметить, что подобное отношение к унии высказывалось не только в русской или советской историографии, но также в польской и украинской. Сошлемся здесь на П. Ясеницу – автора, на книгах которого воспитано уже не одно поколение тех, кто изучал польскую историю, учась при этом здоровому польскому патриотизму. Он пишет: «В конце XVI столетия в идеологических целях власть решила принять закон, который иначе чем безумием назвать нельзя. Навязала церковную унию. Одним махом отменила во всей Речи Посполитой православную иерархию. Для потехи – и для ясности картины – необходимо добавить, что поступок короля и его советников удивил многочисленные земские сеймики. Калишская, краковская и познаньская шляхта решительно выступили в защиту... православия. Уроженцы хелмской земли вообще не понимали, в чем дело: «Слышали мы, что между людьми греческой религии существует какой-то разрыв; чтобы отсюда ссора никакая не выросла, не распространилась, поручаем ...» [9, с. 224].

Говоря о фатальных последствиях унии для последующей судьбы Речи Посполитой, П. Ясеница приводит суждение Феликса Конечного, польского автора крайне правых националистических взглядов, полностью соглашаясь с ним в данном случае в том, что уния «была полезна не для связи между Русью и Польшей, а для связи между Русью и Москвой». Приводя примеры «религиозного безумия»

короля, П. Ясеница пишет: «В скором будущем Сигизмунд III пошел так далеко, что незаконно отменял благосклонные для приверженцев православной веры приговоры трибунала. Он передал все дела судебным органам униатского митрополита, хотел даже его сделать начальником Печерской Лавры» [9, с. 224].

Самым важным украинским «свидетельством» в этом вопросе является, бесспорно, мнение М. Грушевского, выдающегося историка и политического деятеля Украины. По его мнению, Украину (а также и Беларусь) от полной полонизации и уничтожения национальной идентичности спасла активность церковных братств, особенно Киевского братства, поддержанного вооруженной силой казачества [10].

Из более новой польской литературы на эту тему я предложил бы познакомиться с двумя работами: книгой Антония Мироновича «Православная церковь в событиях прежней Речи Посполитой» [11] и книгой М. Мельныка «Спор о спасении. Социологические проблемы в свете православных союзных проектов, возникших в Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века)» [12]. По мнению этих авторов, Брестская уния вовсе не была унией двух церквей; она являлась антитезой православным объединительным союзным проектам, предлагавшимся князем К. Острожским. Уния была осуществлена под давлением Папы и фанатичного короля Сигизмунда III Вазы, причем Папа признал, что православная сторона не может ставить никаких требований, потому что православные якобы жили до сих пор в грехе схизмы, а теперь по папской милости принимаются в лоно Костела и могут, по крайней мере, рассчитывать на милость спасения. Таких же взглядов придерживался и король. В Рим прибыли два епископа, Потей и Терлецкий, чтобы присягнуть Папе. Остается неясным, знали ли они вообще, в чем дело. Как пишет П. Ясеница, «разговор вели через переводчиков, потому что не знали никакого чужого языка» [9, с. 226].

В данной статье нет выводов о каких-либо событиях действительности, понимаемых «онтологически», то есть об исторической истине *per se*. Меня интересует социология идей, в данном случае – белорусской идеи, т. е. «социологическая истина»: каким образом историческая истина используется как идеология. На мой взгляд, есть некие границы, на которые нельзя не обратить внимание. Некоторые авторы положения, которые не соответствуют их взглядам, классифицируют как «измышления» русской и советской историографии, несмотря на то, что данные факты являются давно признанными и согласованными среди самого широкого круга историков.

Прочитируем еще один интересный абзац из книги Г. Сагановича: «Братства, тем временем,

пользуясь своим авторитетом, реализовывали свои собственные, временами чисто прагматические интересы. Известны слова одного из православных епископов: «Когда мы отдадимся во власть Папы Римского, мы тогда не только будем сидеть на наших епископствах до самой смерти, но и на сенаторской скамье засядем вместе с латинскими епископами, и без труда вернем потерянное Церковью имущество» [7, с. 238]. Как видим, здесь героем является тот епископ, который мечтает заседать с католиками в сенате, а братства, которые борются за сохранение веры и православного обряда, мешая упомянутому епископу реализовать его цели, подозреваются в аморальности.

Давайте поставим, наконец, основной вопрос прямо: чем является в этой интерпретации белорусский народ, и какие общественные группы выражали его интересы? В книге мы читаем: «Религиозная принадлежность панов в малой степени зависела от их этнического происхождения. Термин «русин» в XV–XVI вв. был тождествен определению «грек», под которым понимали, главным образом, приверженца восточного христианства, а часто не предполагали вообще никакого соотношения с этническим происхождением. Поэтому, определяя этническое происхождение того или иного рода, более существенной, чем религиозная принадлежность, считали генеалогию» [7, с. 194].

По моему мнению, трудно найти что-либо более ошибочное, чем приведенная интерпретация. Почти все известные мне работы, которые посвящены этническо-религиозной ситуации на Беларуси, цитируют фрагмент работы М. Смотрицкого «Тренос, или плач Восточной церкви». Его цитирует в своей «Кароткай гісторыі Беларусі» и В. Ластовский. Только Г. Саганович его игнорирует. Я приведу здесь данный фрагмент работы Смотрицкого вслед за Ластовским, вместе с кратким комментарием последнего. «Где теперь делся этот бесценный камень, который я носил вместе с другими бриллиантами в венке на моей голове, как солнце между звездами, – где теперь дом князей Острожских? Где другие бесценные дорогие драгоценности моего венка, знаменитые роды русских князей, мои сапфиры и бриллианты: князья Слуцкие, Заславские, Збараские, Вишневские, Сангушские (далее Смотрицкий перечисляет еще 42 знаменитых рода русских – *примеч. авт.*). Вы являетесь плохими людьми (изменниками), сняли с меня мою дорогую одежду и теперь насмехаетесь над безвольным телом моим, из которого все вы произошли. Но помните: проклятым станет тот, кто открывает наготу матери своей! Проклятыми станете и все вы. Придет время, когда будет вам стыдно за свои поступки!» На страже национальных интересов останутся «только те, из худых и неизвестных» [6, с. 65]. Таким образом, в этой интерпретации М. Смотрицкого и В. Ластовского, на страже на-

циональных интересов остался только держащийся православия белорусский народ.

Понятно стремление ряда авторов включить в историю развития белорусских национальных интересов «белорусов из плоти и крови» («настоящих»), независимо от их религиозных или политических взглядов, – белорусов, которые признаются белорусами в соответствии с их генеалогией (т. е. имеющих происхождение от их предков-белорусов). Всем известно, что знаменитые роды, которые являются гордостью истории Польши, такие как Ходкевичи, Сапегы, Тышкевичи и многие другие, упомянутые, в частности, М. Смотрицким, имели «русское» происхождение, сегодня определяемое как белорусское. Можно также обоснованно доказать белорусское происхождение таких выдающихся поляков, как Т. Костюшко, А. Мицкевич или даже Й. Пилсудский. Вопрос, однако, в следующем: выиграет ли что-либо от этого белорусская идея? Даже если принять как факт их «белорусское происхождение», все равно возникает вопрос: что в их действиях и их идеях может сегодня стать объединяющим элементом в современной белорусской национальной идеологии?

Предназначение Беларуси, как нам представляется, – это синтез Востока и Запада, элементов латинской и византийской цивилизаций. В осуществлении такого синтеза состоит и великий шанс и исторический вызов.

Пер. Я. Гелды; науч. ред. Л. Г. Титаренко

Список цитированных источников

1. *Ермаловіч, М. І.* Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды / М. І. Ермаловіч. – 2-е выд. – Мінск, 1990.
2. *Powieść minionych lat.* – Warszawa, 1968.
3. *Грушевський, М. С.* Історія України-Руси: в 2 т. / М. С. Грушевський. – 2-е выд. – Київ, 1992. – Т. 2.
4. *Paszkievicz, H.* Powstanie narodu ruskiego / H. Paszkiewicz. – Kraków, 1998.
5. *Wilson, A.* Ukraińcy / A. Wilson. – Warszawa, 2002.
6. *Ластоўскі, В. Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Вільня, 1910; Мінск, 1992.
7. *Sahanowicz, H.* Historia Białorusi od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku / H. Sahanowicz. – Lublin, 2002.
8. *Szybieka, Z.* Historia Białorusi 1795–2000 / Z. Szybieka. – Lublin., 2002.
9. *Jasienica, P.* Rzeczpospolita Obojga Narodów / P. Jasienica. – Warszawa, 1986.
10. *Грушевський, М. С.* Культурно-національний рух на Україні в XVI–XVII в. / М. С. Грушевський. – Київ; Львів, 1912.
11. *Mironowicz, A.* Kościół Prawosławny w dziejach dawnej Rzeczpospolitej / A. Mironowicz. – Białystok, 2001.
12. *Melnyk, M.* Spór o zbawienie. Zagadnienia soteriologiczne w świetle prawosławnych projektów unijnych powstałych w Rzeczpospolitej (koniec XVI – połowa XVII wieku) / M. Melnyk. – Olsztyn, 2001.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.10.2008 г.